

БИБЛИОТЕКА

№ 22

1966

Микола НАГНИБЕДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

СЛОВО В ДОРОГУ

Микола НАГНИБЕДА

СЛОВО В ДОРОГУ

СТИХИ

*Авторизованный перевод
с украинского*

Издательство «ПРАВДА»
Москва. 1966

Микола НАГНИБЕДА

Известный украинский поэт Микола Львович Нагнибеда родился в 1911 году в селе Поповка (ныне Смирново), Запорожской области. После окончания семилетки и ФЗУ работал слесарем, а потом в заводской многотиражке «Харьковский паровозник», в республиканских газетах и журналах. Учился в Харьковском институте журналистики и Киевском педагогическом институте имени А. М. Горького.

Микола Нагнибеда — автор около сорока поэтических сборников: «Днепровская весна» (1933), «Днепроград» (1937), «Дорога на юг» (1940), «Здравствуй, Харьков» (1943), «Незабываемое» (1946), «Песня походов» (1948), «Встречи в дороге» (1955), «Степь и море» (1958), «Горные вершины» (1960), «Избранные произведения» в 2 томах (1961), «Зерна гранита» (1963) и ряда других.

Многие стихи и поэмы Миколы Нагнибеды переведены почти во всех республиках Советского Союза.

В Москве в переводе на русский язык изданы книги Миколы Нагнибеды: «Стихи», «Лето», «Дорогами жизни», «Вечерние костры». Сборник «Стихи» отмечен Государственной премией в 1952 году.

Микола Нагнибеда награжден орденом Трудового Красного Знамени и медалями.

Этот сборник поэта составлен из стихотворений последних лет. Большинство из них было опубликовано в газете «Правда» и журнале «Огонек».

РАЗДУМЬЯ

1

Нет счастья вечного, я знаю,—
Есть вечный бой, чтоб людям счастье дать.
И только тот в победе воссияет,
Кто родину в себя сумел вобрать.
Кто, одолев в себе свои заботы,
Оковы одиночества порвав,
Смог сердце принести народу в соты,
Для счастья всех,

не для своих забав.

Свидетели — века и поколенья,
Октябрьский стяг,
буденновец с клинком,
Карпат моих раскованное пенье
И океан под чкаловским крылом.
В свидетели беру народы, страны,
Те, что от бед заслонены щитом,
И Киева бессмертные каштаны,
Рожденные вторично над Днепром.
Свидетель — жизнь, она нас призывает,
Нам проторенных не сулит путей.
И счастья личного, я знаю,
Нет вне борьбы за счастье всех людей.

2

Верни рукой всевластной, время,
Напрасно прожитые дни!
Бесплодный час, одно мгновенье,
Пустые сутки —

все верни!

Верни, отдай!

Свои деянья
Я передам живой струне,
Чтоб каждая секунда пела
В твоей бездонной глубине.
Я с юных лет не знал покоя,
Пот орошал лицо мое,
Входило сердце в жизнь людскую,
Как в пашню плуга острие.
И все ж, всевластное, признаюсь,
Твой дар ценил я не сполна,
Казалась юность бесконечной,
Безбрежной виделась она.
И ты всевластно и сурово
Речешь:

— Не мешкай же, цени!
Не заклинаньем, а дерзаньем
Вернешь утраченные дни.

А ПЕСНЯ ЛЬЕТСЯ...

Дымят костры в дрожащем зное
Под зыбкой тенью тополей,
И тихо песня за косою
Ведет по лугу косарей,
И я иду, иду за нею,
Жжик, жжик — и падает трава,
А косы — дзинь, и, как во сне, я
Шепчу какие-то слова.
Нет, не шепчу —

переживаю
Опять, опять судьбу мою,
Впервые сердце открываю,
Впервые дружбу познаю.
А косы — дзинь...

А песня дале
Уже ведет меня к весне,
Когда с лесов «Запорожстали»
Так зримо цель открылась мне.
Когда постиг впервые силу
В руках умельцев-мастеров,
Когда в душе их светлокрылой
Прочел горение творцов.
О песня, что ты натворила?!

Идя по юности со мной,
В морях наполнила ветрила,
Взметнула ленты за спиной.
Смела с прошедшего туманы
Прикосновением крыла,
С морских просторов караваны
Ты снова в сердце привела.
А косы — дзиль...

Нет, нет, не косы.
Взлетают весла, посмотри!
Гребя, как на море матросы,
Плывут по лугу косари.
А загребной, лихой, чубатый,
Как жизнь, спешит,
жжик, жжик траву,
Морскую песню дел куда-то,
Другую бросил в синеву.
И голосистым басом чистым,
Как будто вторящим косе,
Ведет к героям-коммунистам
Волоколамское шоссе.
Поет чубатый тороватый,
Как из германской стороны
Победоносные солдаты
Не отдыхать пришли с войны.
А косы — дзиль...

А песня льется,
Зовет в дорогу вновь и вновь,
Туда, где счастье создается,
Где труд, и песня, и любовь,
Где перевалы к светлой цели
В лучах немеркнувшей зари...
Всю жизнь мою в лугах пропели
На сенокосе косари.

КАРПАТСКАЯ ЗАСТАВА

Плачет светлой слезою
Скала на Карпатах
Меж задумчивых елей,
Печалью объятых.

На вершине ее,
Споря с ветром залетным,
Дуб стоит вековой
В карауле почетном.

И могучий турчак ¹
Прилетает порою
И торжественно чертит
Круги над скалою.

А меж каменных глыб
Вьется лентою стежка
И струится поток
Голубою дорожкой...

Далеко от селений
Место скорбное это,
Но свежи у скалы
Что ни утро букеты.

Тут лежит Мозговой,
Павший смертью героя.
Он сражался один,
Было недругов трое.

Не смогли перейти
Эти трое границы,
Чтоб тайком отравлять
В наших селах криницы,

Чтобы нам наносить
Из подполья удары,
По заморской указке
Сеять смерть и пожары.

Преградил пограничник
Дорогу в Карпаты...
А в кармане листочек
Нашли у солдата.

¹ Турчак — горный орел.

Он дочурке писал...
И когда провожали,
У скалы над могилой
Письмо прочитали.

И с тех пор между елей,
Печалью объятых,
Плачет светлой слезою
Скала на Карпатах.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Первой любви дорогие приметы:
В сердце и свет и тепло...
Там, возле Сечи, простерлось в рассветы
Белой плотины крыло.
Первой любви лицо молодое,
С губ моих рвущийся стих...
Не лепестки на шершавых ладонях —
Зерна мозолей тугих.
Первой любви полет горделивый,
Река в переливах огней —
Дива железные, дивные дива
Мы возводили над ней.
Первой любви далекое чудо,
Ты полонило меня
Стройки великой размеренным гудом,
Сверкающим морем огня.
Пелось, мечталось... И в чистой лазури
Весело, как паруса,
Плыли навстречу неведомой буре
Стройки моей корпуса...
Не позабудет мое поколение,
Как мы взрывали старье...
Первой любви молодое горенье!
Первые взлеты ее!
Ей подарил я и сердце и руки,
Жар молодых своих дней.
Годы проходят — не знаю разлуки
С первой любовью моей.
Годы проходят... Может быть, скоро
Я упаду, как в бою.

Первой любви непогасшие взоры
Долю пронижут мою.
Снова встает без конца и без края
Юных мечтаний пора,
В душе поют и поют, не смолкая,
Сизые кручи Днепра.
Я каждый раз вспоминаю счастливо
Славу пути моего.
Труд! Золотое днепровское диво.
Первой любви торжество.

МАСТЕР КОРАБЛЯ

За Бугом — степь,
И дали, дали,
И в синем мареве земля,
И мореходов магистрали,
И тень красавца корабля,
Тень корабля, и запах соли —
Матросы вышли на причал...
Кто не желал им доброй доли!
Кто их с улыбкой не встречал!
Кому не знать, что над волною
За кораблем уходит вдаль
С глубокой думою одною
Морячек тихая печаль!
Не потому ль сквозь шторм и ветер,
Сквозь нависающую тьму,
Корабль свой с берега приметив,
Мы улыбаемся ему.
Идет корабль в родные воды.
И, отдыхая от ветров,
Слагают оды мореходы
Искусству славных мастеров.
За Бугом — степь,
И дали, дали,
И в синем мареве земля,
И мореходов магистрали,
И тень красавца корабля.
Все это видит мастер с кручи...
А в доках стали перезвон,
Там в синих молниях летучих
Еще один корабль рожден.

Их много с бурей в поединке
Проходит по путям морским...
Всю жизнь по капле, по кровинке
Он в корабельной отдал им.
Пусть будет в мире больше света,
Цветов, улыбок и огней!..
О, как похож ты на поэта,
Создатель чудо-кораблей!

ЗАВЕТ

Цените железо,
цените огонь,
Что мудро сплавляет в горниле
Отцовскую, знавшую молот ладонь
И юные, светлые крылья.

Цените незыблемо стойкий гранит,
Надежность гранита цените.
Ведь наша мечта нерушимо стоит
На ленинском прочном граните.

Цените отвагу
и чтите борцов,
Что головы честно сложили
За то, чтобы люди,
не зная оков,
Разумно и счастливо жили.

Цените поистине пламенный труд
И подвиг того поколения,
Что ржавой лопатой писало прелюд
К симфонии дней сотворенья.

Цените высоко
наш воинский стяг,
Склонитесь в поклоне героям,
Солдатскому братству,
которое враг
Не взял ни коварством, ни боем.
Цените и помните доблесть солдат,
Что здание после сражений
На прежнем граните,
окрепшем стократ,
Воздвигли еще совершенней.

Цените пройденные нами пути —
Мы шли,
 позабыв о привале.
Идите же дальше!
 Вам легче идти,
Заветная цель не за далью.

Цените добытое нашим трудом
И множьте неутомимо.
В том — корень жизни,
Крылья в том,
Дети мои любимые!

ЧЕРНОМОРЕЦ

Израненный черноморец
врагами был поднят с земли.
По дымной еще Одессе
на площадь его привели.

Туда же для устрашенья
народ приказали согнать.
На пленника-сына глядела
окаменевшая мать...

Фашисты гордились — усмешка
скользила по лицам тупым.
Еще бы! Живого матроса
взять посчастливилось им.

Вокруг посмотрел черноморец,
и боль придала ему силы.
Он крикнул: «Поверьте, люди!
Двадцатая рана свалила...»

Прикладами к месту расправы
его подтолкнули солдаты...
Два якоря золотились
на черном сукне бушлата...

Палач, приступая к делу,
хвастнул бесстрашьем своим —
Ремни на руках матроса
разрезал один за другим.

А офицер глумился:
— Десять минут еще жить,
Быть может, моряк, желаешь
о чем-нибудь попросить?

— Хочу не просить напоследок,
а сделать доброе дело.—
С такими словами метнулся
на палача он смело.

Как вороны, вмиг налетели
враги и сомкнули круг...
Но не разняли на горле
железных матросских рук.

КАРМЕН

Танцует,
танцует Кармен...
Словно шквал,

Уносит стремительно вдаль ее.
Таких в Запорожье имен не знавал,
Та девочка — из Италии.
Танцует,
танцует,

как зной, горяча...
Притихли девчонки с ребятами.
Синий платочек спустился с плеча.
И стала Кармен крылатою.
Танцует,

танцует,
воздушна, легка...
Мальшка, еще пятиклассница.
Приехала с матерью издалека,
Смуглянка, шалунья, проказница.
Танцует,
танцует...

И счастлива мать,
Что пляшется дочери весело,
И горько бывшее свое вспоминать,
Что в памяти даль не завесила.
Ее палачи пропустили сквозь ад,
Девчонкой утнали в Германию.

И в детство вонзились колючки оград,
И мать вспоминалась в тумане ей.
В тринадцать
 батрачкою стала она,
В шестнадцать
 ушла с партизанами.
Была украинке любовь суждена
В жестоких боях за Балканами.
О детство сожженное,
 взятое в плен,
Дорога страданий и ужаса!..
Танцует,
 танцует,
 танцует Кармен,
Да так, что и тополи кружатся!

ВСТРЕЧА В ГОРКАХ

В снежных Горках
По парку,
Густому, дремучему,
Вечерами,
Устав от работы дневной,
Он любил погулять
По морозцу скрипучему,
Побродить по дорожкам
Вдвоем с тишиной.

Вспоминались, быть может,
Обрывы симбирские,
И семья,
И погибший безвременно брат,
И этапы,
Ведущие в дебри сибирские,
И Разлив,
И в октябрьскую ночь
Петроград.

А возможно, что мыслью
Свободно и смело
Он вторгался в века
Сквозь вечернюю тьму,
А возможно, что в сумерки

Рана болела,
Но об этом
Ни слова Ильич никому.

Он любил погулять
На морозце скрипучем,
Побродить вечерком
По снегам голубым...
А мальчишки из Горок
В том парке дремучем
Неотступно украдкой
Следили за ним.

Тихо крались в сугробах
Сторонкою дети,
Шустрых глаз
Не сводя с Ильича ни на миг,
Осторожно ступали,
Чтоб их не заметил
Всех главней
И загадочней всех
Большевик.

Им бы только вблизи
На него надивиться,
Приглядевшись к нему,
Разгадать бы секрет,
Почему это мать и отец
Под божницей
Прикрепили в избе
Ильичевский портрет.

Потихоньку, украдкой —
От ели до ели,—
В непомерных опорках,
В овчинах до пят
Ребятишки
В лицо человеку глядели,
Устремившему в вечер
Задумчивый взгляд.

Ели тоже, казалось,
Глядели украдкой,
Точно бабы,
Надвинув на брови платки...
Вдруг Ильич улыбался:

— Здорово, ребятки!
Хватит пряток.
Давайте-ка лучше в снежки!

И к нему из-за елей
Ватага летела
С улюлюканьем, с визгом,
В кустах — напролом,
Но восторгу ребят
Не бывало предела,
Если в гости Ильич
Зазывал их потом.

Он распахивал двери
Просторной светлицы
И кричал:
— Константиновна,
Гости у нас!
И, к столу приглашая
Ватагу садиться,
Восклищал, подмигнув:
— Нам чайку б в самый раз!

А затем,
Почаевничав с холоду вволю,
Он беседу,
Как будто со взрослыми,
Вел.
Сокрушался о том,
Что не топлено в школе,
Что отец у Андрейки
С войны не пришел.

Сокрушался
Над горькою вдовьей судьбиною,
Над лучиной
Увязших во тьме деревень...
И виднелся ему
За окном, над равниною
Этих русских ребят
Наступающий день.

И теплели слова
И, как сказка, звучали,
Точно вдруг открывался
Волшебный ларец.

Он рассказывал, как
Две судьбы воевали,
Как за новую бился
Андрейкин отец.

Потому что она
Встанет в поле пшеницей,
Всем сошьет сапоги,
Полушубки сошьет,
В каждом доме
В сетях запыхает жар-птица,
И над морем Россия,
Как солнце,
Взойдет.

И внимали ему
Зачарованно дети,
Забывая, что поздно,
Что ночь за окном,
Удивлялись они:
А какие же сети
Не сгорят,
Если птица
С горящим пером!

А Ильич улыбался:
— Найдутся такие!
Нам бы только жар-птицу
Поймать поскорей...
Ну, небось,
Беспокоятся дома родные?
Доброй ночи! —
И шел провожать до дверей...

Где теперь вы, ребята,
Счастливы из Горок,
В непомерных опорах,
В овчинах до пят?
С той поры
Пролетело стремительно сорок,
А на плечи легли вам
И все пятьдесят.

Где вы, где вы,
Ровесники и побратимы?

Фото в Горках,
Как вестник бывшего.
На нем
Снят Ильич с пареньками,
Друзьями своими,
Только что озорно
Запускавший снежком.

...Я по Горкам иду.
Золотым оперением
Снег на елях сверкает,
Не тронут никем...
Нам не всем посчастливилось
Встретиться с Лениным —
Жить по слову его
Посчастливилось всем!

Где ж ребята-счастливыцы,
Теперь уж седые?..
Снег морозный скрипит,
Будто хочет шепнуть:
Там найдешь их,
Где вся трудовая Россия
Пролагает в грядущее
Ленинский путь.

Помнишь, как
Возводили они Днепрогэсы,
Создавали «Магнитки»
Со всею страной,
Как в лесах Подмосковья,
В пожарах Одессы,
В Севастопольской битве
Стояли стеной!

Разве ты позабыл,
Как, придя из Берлина,
Разойдись мастерами
Из армий, бригад,
Воскресли они
Беларусь,
Украину
И без роздыха строят
Сибирский каскад?

Разве сердце не их
В межпланетной ракете?
Разве в атом не вложен
Их разум и труд?
То они,
Поседев,
С Ильичем по планете
Вожаками свободы и мира идут!

Их рабочие люди
Встречают, как вестников
Новой жизни,
Где каждый — товарищ и брат.
...Улыбнулась мне детством
И юностью сверстников
Фотография в Горках
Ватаги ребят.

СЫНОВЬЯ

Дети старых друзей,
Побратимов моих,
Не пришедших с войны,
Вы похожи на них,
Вы похожи на них,
Точно встали они.

Точно встали они,
Отдохнув, из могил
У Днепра, у Дуная, у Вислы,
Святогоры, Микулы,
Полные сил,
С добрым сердцем и доброю мыслью,

Жизнелюбцы, умельцы,
В работе — творцы,
По делам и по жизни — герои,
А уж петь и плясать —
Удальцы-молодцы,
А за правду — так насмерть, горою!

Вы похожи на них,
Вы похожи на них...

Я гляжу, озираясь,— и мнится:
Вижу старых друзей,
Молодых, боевых,
Вижу те же знакомые лица.

Дети старых друзей,
Ваше детство война
Искорежила больно и горько,
Рано ваше чело
Омрачила она,
Точно туча весеннюю зорьку.

Да и после
Досталось не много тепла —
Вдовье горе не в дружбе с достатком.
Вас ночами
Слеза материнская жгла,
Не спалось им, солдаткам.

Дети старых друзей,
Вы похожи на них,
Ведь, вступивши в наследство по праву,
Вы прошли
Через сотни напастей лихих,
Не растратив отцовскую славу.

Знаю, в вашей груди
Их воскресли сердца,
Руки ожили,
Вашими стали.
Ведь не все должили
Сердца до конца,
Эти руки
Не все доковали.

Не с того ли
И сила у вас за двоих,
Дети старых друзей,
Не пришедших с войны!
Вы похожи на них,
Вы похожи на них,
Их наследники, их сыны.

РОСИНКИ ТЕПЛОГО ДОЖДЯ

1

Счастье — две косицы.
Радость — в каждой косе.
Вижу: от берега мчится,
Летит по росе.
Летит
и смеется звонко
Маленькая моя.
Подбежала,
схватила ручонкой:
— Папа, вот и я!
Обнял мою смешинку:
— Стой, дружок, не уйдешь!
Росинкою за росинкой
На сердце
теплый дождь.

2

По степям, долинами,
тихими лиманами
Бродит моя дума,
говорит с курганами.
Спрашивает думушка:
— Может быть, встречали
Самую красивую,
чью косу венчали
Васильками синими,
белыми ромашками,
Ту, что пела песни
с полевыми пташками?
Вы ж ее, курганы,
на плечах носили,
К солнцу поднимая,
ей вручали крылья
И за горизонтом
дали указали...
Может быть, курганы,
вы бы подсказали,
Где ее искать мне
и живет на свете ли?
Но молчат курганы,
юности свидетели.

БАЛТИЙСКАЯ БАЛЛАДА

Пылали ночные костры
над Невою —
Балтийцы на берег сошли.
Огонь

на оружие их боевое
Бросал красноватый отлив.
Вчера на весь мир
моряки прогремели,
И снова им в битву чуть свет...
А ленты в петлицах

так огненно рдели,
Как розы Октябрьских побед.
Еще храбрецам этим,
сдвинувшим горы,
Не спел свою песню поэт —
Им оды сложили

орудья «Авроры»
И ленинский первый декрет.
Пылали костры

в грозовую годину
У верных балтийцев в кругу...
И кто-то, припомнив

свою Украину,

На невском запел берегу:
— Как умру, похороните
Вы меня в могиле
На кургане, над простором...
И волною взмыло
От костра к костру другому
И от сердца к сердцу
Покатилось над Невою:

— На Украине милой...
Подымались с этой песней
Рыцари в бушлатах,
Пели, снявши бескозырки,
А напев крылатый
Гордо реял над дворцами,
Лился над Невою
И звучал набатом гневным
И призывом к бою.

— Чтобы нивы неоглядны,
Старый Днепр и кручи...—

Ввысь над пламенем вздымалось,
Разметало тучи.
— И меня в семье великой,
В семье вольной, новой...

И распелись, не услышав,
Как на этом слове
К ним с соратниками вышел
И, приблизясь к свету,
Подхватил в раздумье Ленин
«Заповіт» поэта...

— Не забудьте — помяните...—
Мчалось над веками...
Пел, кострами озаренный,
Ленин с морями.

МАКСИМУ ТАНКУ

1

Снова шумят мне листвою дубравы...
Снова я встретить готов
Грусть голубую лесов величавых,
Росную свежесть садов.
Снова мечтаю о встрече с тобою
В этом заветном краю,
Слушать, как Нарочь играет волною,
В песню вливаясь твою.

Тропку отыскивать ту, что стыдливо
Пряталась в травы тогда,
И по-мальчишески в ливней разливы
Бегать, забыв о годах.

Я не скрываю того, что мечтаю
Видеть тебя, Беларусь,
Видеть, как дружбы костер разжигают
Пимен, Аркадзь и Пятрусь.

Небо,
 зеленую землю
 и хаты,
Братьев обнять захотел...

Аист —

поездки предвестник крылатый —
В край ваш уже полетел.

2

Легенды леса,
в сказках плес,
Боры таинственно-густые,
Как тучи, пущи вековые
Прошили молнии берез.

Душиста хата лесника,
И в поле белой чайкой — жница..
Манит, зовет издалика
И часто снится, снится, снится.

Я эти сны и не гоню
И сам себе их навеваю,
Ведь в Белоруссию мою
Я часто сердце посылаю —
Умыться росами дубрав,
Послушать звонкие цимбалы,
На огонек к своим сябрам ¹
И за советом в дом Купалы.
Сквозь утренний сосновый звон
Несется сердце с доброй вестью..
Ложится скорбно, как бутон,
На каменные плиты Бреста.
И память, битвами гремя,
С мечтой сплетается моею —
Так под ветрилами двумя
Плыву я в мир,
его лелею.

КАНЕВСКИЙ РАССВЕТ

Рассвет,
окрасив облака,
Над Каневом подьмелется..
А у прибрежного песка
Еще туманам дремлется.

¹ Друзьям.

И птицы в гнездах
и челны
Застыли, полусонные,
И вдаль
под шорохи волны
Дубы глядятся темные.

Еще мерцает, не погас
Огонь спокойный бакена,
Но верба вспыхнула как раз —
Вся в золоте, заплакана.

Светлей становится, светлей...
Сейчас весь лес пробудится...
А он в пожаре тополей
Стоит, зарей любится.

Она ему сквозь тьму веков
В борьбе сияла, светлая...
И вот, его услышав зов,
Пришла заря заветная!..

СВИДАНИЕ

*Памяти Героя Советского Союза
Яна Налепки*

Из словацкого предгорья
К нам на Украину
Мать приехала седая
Поклониться сыну.

Нелегка была дорога:
Шла через Карпаты
На Полесье, на Полесье,
До сыновней хаты.

Провожали от границы
Мать в края лесные
Партизаны-генералы,
Воины седые.

А в дороге шла беседа
Про Налепку Яна...
И на сердце материнском
Давней скорби рана.

Много лет уж мать родная
Не видела сына.
Только знала: полюбилась
Янке Украина.

В тихом Овруче на встрече
Было много люда.
Поклонилась мать народу:
— Я родной вам буду.

И пошла среди людей,
Не тая тревоги,
Аж до самого конца
Всей своей дороги.

И увидела она...
Встреча долгожданна...
Обняла, поцеловала
Бронзового Яна.

До зари они вдвоем
Вспомнили немало:
Горы Татры и луга,
Что у перевала,

Рубчик первой борозды,
Вычерченный в поле,
Песню первую, что пел
Хлопцем на раздолье,

И ту первую любовь,
Те девичьи очи,
Ночи грозные войны,
Бессонные ночи.

Перед утренней зарей
Мать пропела сыну
Колыбельную его —
Песню соловьиную.

И от братьев передала,
От сестры приветы...
Не заметила разлива
Синего рассвета.

А рассвет струился тихо,
Луг накрыл туманом...
Вдруг дивчина-полесянка
Стала перед Яном.

И букетик росных роз
Яну подарила.
— Кто ты, девушка, ему? —
Тихо мать спросила,

— Я зовусь его сестрой...
С братьями-бойцами
Здесь, в отряде партизанском,
Он ходил лесами.

Так сказала и ушла
В марево тумана...
Бородатый полещук
Поклонился Яну.

— И вы знаете его? —
Мать слезу глотает.
Удивился полещук:
— Кто ж его не знает!

Вместе с сыном он моим
Шел на запад с боем,
Край полесский вызволял
И погиб героем...

К Яну школьники пришли,
Русы и курчавы.
Молча смотрит детвора
В очи вечной славы.

Уж не спрашивает мать,
Кто они герою...
Все, что видела, она
Увезла с собою.

На обратной на дороге,
Где-то в Татрах синих,
Вновь послышался родимой
Дальний голос сына:

— Слышишь, мама?

Не спросил я
В краткий час свиданья,
Как живет моя Мария,
Помнит ли о Яне.
Слышишь, мама?

Поклонись ты,
Коль придешь в Смежаны,
Золотым долинам детства,
Юности курганам.
Слышишь, мама?

Не печалься
С дочерью, сынами:
Полесьяне и словаки
Стали земляками.
В Банской Быстрице,
родная,
Где ветра, как песня,
Поклонись ты партизану —
Хлопцу из Полесья.
Ты постой подольше, мама,
Над его могилой...
Слышишь, мама?..

— Да, сыночек,
Слышу, слышу, милый!

Прага — Киев.

ВОСПОМИНАНИЕ

Веди, дорога, вдаль,
в былое...
Хочу опять пройтись в местах,
Где я у Коласа зимою
С Максимом Рыльским был в гостях.

Буран то плакал сиротиной,
То завывал в ветвях берез...

— А ты, Фаддеич, с Украины,
Спасибо, снегу нам принес.
Пригубил рюмку доброй «Старки».
— Ишь, окна вьюга замела!

И до полуночи гутарки,
И вновъ беседа досветла.

И были в этом разговоре
Слова не пышны, не темны.
Искрилось в задушевном споре
Раздумье мудрой седины.

Буран слышали уж едва ли,
Не утихавший на дворе.
Пути-дороги вспоминали
Перед дорогой на заре,

Где им стихами сеять семя
Добра без плевел,
без трухи...

И, право, были в это время
Похожи сами на стихи.
И лишь тогда, когда уж злостью
Под утро изошла метель,
Плечистый Якуб встал и гостю
Постлад заботливо постель.

— Буран утих,— подумал вслух,—
Заря, как видно, недалече. —
И свой охотничий кожан
Накинул другу он на плечи.

БОГАТСТВО

О, я богач, притом по праву...
Неужто я забуду вас,
в батырской шапке Алатау,
в броне серебряной Кавказ!

Мне было бы, пожалуй, странно
забыть родные голоса,
платок сиреневый Севана
и белорусские леса.

И городок заволжский, скромный,—
он детям помнится всегда,
ведь там они приют укромный
нашли в военные года...

Да, так не многие богаты:
и степь моя, и ширь Днепра,
и далее ясные агаты,
и в светлой дымке вечера.

Да, я богач, богач на славу...
Такой судьбы желаю вам!
Богатство дружбы я по праву
своим потомкам передам.

О ЧЕМ ГОВОРИЛ САДОВНИК

Вот-вот сентябрь...
В листве
Кой-где желтеет просесть.
В поблекшей синеве
Уже приметна осень.
Уж редкий гость — гроза,
Сады вступили в зрелость.
И черных слив глаза
На солнце насмотрелись.
И наземь тяжко плод
Летит от нетерпенья...

А в памяти живет
Апрельское кипенье:
Лебяжий взлет садов,
Жужжанье пчел в разведке,
Потоков трубный зов,
И птичий гам на ветке,
И ласточек возня,
Трудяг неутомимых,
И в поле зелены
Проснувшихся озимых,
И щедрый пот весны,
Горячий, крупный, росный,
И сеятеля сны,
Что обгоняют весны,

Ведут его в сады
Не в белоснежной пене,
А где уже плоды
Желты, как лист осенний.
Вот-вот сентябрь...

А мне
Апреля слышен голос.
Есть в том закон:

в весне
Берет начало колос.
Потом лишь зреет он
И тяжело, весомо,
Склоняясь, бьет поклон
Весне,
дождям
и грому.

Весна красна трудом,
Она — основа лета.
Не ведают о том
Одни лишь пустоцветы.

РАПСОДИЯ

П. Майборода

Громадилась гроза на небосводе
в торжественном безмолвье...
Над борами
уже дымились тучи к непогоде,
подобно вестникам,
что скрытыми громами
и молниями посланы вперед.
А мы нашли приют у лесоруба,
зазвавшего гостеприимно в хату...
Меж тем,
подняв серебряные трубы —
вершины снежные,
трубили сбор Карпаты,
как трубачи, зовущие на бой.
И среди бела дня в лесу стемнело —
вот-вот зажгутся звезды над дубами.

Но нет...

Взметнулись огненные стрелы,
и гром

взорвал небесный свод над нами,
осколками скатился где-то вниз.
Залопотав мохнатыми ветвями,
согнулись ели на откосах круч,
и чаши гор наполнились дождями...
И вслед орлы,

войдя в разрывы туч,
вновь завладели прочно синевою.
Следил мальчишка жадно за орлами,
сын лесоруба,

стоя у оконца.
Вдруг скрипку взял дрожащими руками,
задумался...

и в первый проблеск солнца
рапсодию на скрипке заиграл.
И полилась рапсодия певуче,
а он глядел в окно —

на мир широкий,
где вдалеке еще клубились тучи,
где лес шумел

и пенные потоки
себе пробили русло между гор.
Вливалось в сердце радостное что-то...
А он глядел на дали за борами,
туда,

где молнии ему писали ноты,
и с ветром над омытыми горами
рапсодия летела буре вслед.

СЛОВО В ДОРОГУ

Тревожусь я,
как перед боем,
как перед штурмом высоты...
Ты рядом будешь ли с героем,
или в предгорьях будешь ты?

Тревожусь я...
Тревоги эти
в душе не прячу, не таю...

Опять дорожные рассветы
разбудят молодость мою.

Разбудит тол
земли глубины,
в пустынях зацветут цветы,
потоки ринутся к турбинам,
заколосится степь...
А ты?

Тревожусь я...
Без колебання
пред крутизной твоей, гора.
Простор манит рассветной ранью,
величественны вечера.
И будущее все виднее,
и сердце,
что летит вперед,
уже грядущим днем владеет,
свои дары ему несет.

А вдруг —
тревожусь —
слишком мало
огня в душе своей несу!
Смогу ли я у перевала
умножить Родины красу?

Красу
того родного края,
где песню мать певала мне,
где кровь бойцов,
не угасая,
горит в небесной вышине.

Тревожусь:
хватит в сердце света?
Мечту ты видишь впереди?
Прекрасно беспокойство это
перед дорогою!
Иди!

СОДЕРЖАНИЕ

Раздумья. Перевод Ю. Саенко	3
А песня льется... Перевод Д. Седых	4
Карпатская заставка. Перевод Д. Седых	5
Первая любовь. Перевод Л. Вышеславского	7
Мастер корабля. Перевод Л. Вышеславского	8
Завет. Перевод Д. Седых	9
Черноморец. Перевод А. Корчагина	10
Кармен. Перевод Д. Седых	11
Встреча в Горках. Перевод Д. Седых	12
Сыновья. Перевод Д. Седых	17
Росинки теплого дождя. Перевод Д. Седых	19
Балтийская баллада. Перевод Н. Симакова	20
Максиму Танку. Перевод Ю. Саенко	21
Каневский рассвет. Перевод Б. Турганова	22
Свидание. Перевод Д. Седых	23
Воспоминание. Перевод Д. Седых	26
Богатство. Перевод Б. Турганова	27
О чем говорил садовник. Перевод Д. Седых	28
Рассодия. Перевод Д. Седых	29
Слово в дорогу. Перевод Л. Вышеславского	30

Микола Львович Нагнибеда

СЛОВО В ДОРОГУ

Редактор — П. КРАВЧЕНКО.

А 10271. Подписано к печати 7/V 1966 г. Формат бумаги 70×108¹/₃₂.

Объем 1,40 физ. печ. лист, 1,0 условн. печ. лист. Тираж 112 000.

Изд. № 961. Заказ № 987. Цена 4 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена 4 коп.

Индекс 70668

**НЕ ПРЫГАЙТЕ
С ПЛАТФОРМЫ!**

ПОЛЬЗУЙТЕСЬ

**ПЕРЕХОДНЫМИ
МОСТАМИ!**

